

Хроники
Некрономикона

Говард Филлипс Лавкрафт
**ПРИЗРАК
В ЛУННОМ
СВЕТЕ**

Избранное, редкое и неизданное

Издание второе

Ростов-на-Дону

 ФЕНИКС

2022

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7)-31

КТК 654

Л13

Перевод:

Шокин Григорий Олегович

Иллюстрации Ивана Иванова

Лавкрафт, Говард Филлипс.

Л13 Призрак в лунном свете : избранное, редкое и неизданное / Говард Филлипс Лавкрафт ; пер. с англ. Г. О. Шокина. — Изд. 2-е. — Ростов н/Д : Феникс, 2022. — 365 с. : ил. — (Хроники Некрономикона).

ISBN 978-5-222-37565-5

В этот том собрания избранных произведений одного из величайших мастеров фантастики и «литературы ужасов» вошли прославленный роман «История Чарльза Декстера Варда», а также подборка редко издаваемых на русском языке рассказов и поэтических произведений. Бессмертные произведения Лавкрафта гармонично дополняют эксклюзивные рисунки Ивана Иванова.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7)-31

ISBN 978-5-222-37565-5

© Оформление: ООО «Феникс», 2021

© Иллюстрации: Иванов И., 2021

© Перевод: Шокин Г. О., 2021

© В оформлении обложки
использованы иллюстрации
по лицензии Shutterstock.com

ИСТОРИЯ
ЧАРЛЬЗА ДЕКСТЕРА ВАРДА
РОМАН

ИСТОРИЯ ЧАРЛЬЗА ДЕКСТЕРА ВАРДА

Основные соли животных могут быть приготовлены и сохранены таким образом, что изобретательный муж воссоздать способен весь Ноев ковчег в лаборатории своей и всякую прекрасную животную форму поднять из праха по желанию своему. Также из основных солей останков человеческих ученых муж способен, не прибегая к черному поруганию мертвых, форму любого предка из пепла возродить, где бы тело оною огню ни предали.

Борель¹

---

¹ Пьер Борель (1620–1671) — врач родом из французского города Кастра. В 1653-м обосновался в Париже, был назначен личным врачом короля, в 1674 году был принят в Академию наук. Автор многих трудов по химии, медицине, оптике, метафизике. Цитата, приводимая Лавкрафтом, как было установлено исследователем его творчества Джоном Дорфманом в 1989-м, является не прямой ссылкой к какому-либо конкретному труду Бореля, а перифразом пуританского проповедника, моралиста, биолога и медика Коттона Мэзера (1663–1728), происходящим из его фундаментального труда «*Magnalia Christi Americana*» («Великая История Христа в Америке»). — *Здесь и далее прим. переводчика.*

ГЛАВА 1. ИТОГ И ПРОЛОГ

1

Из частной лечебницы для душевнобольных близ Провиденса, штат Род-Айленд, недавно исчезла чрезвычайно необычная личность по имени Чарльз Декстер Вард. На принудительное лечение сего молодого человека определил, скрепя сердце, обеспокоенный отец, на чьих глазах незначительные странности в поведении сына переросли в зловещую манию с предрасположенностью к насилию, подкрепленную глубокими изменениями в характере и образе мыслей. Врачи признавали, что совершенно сбиты с толку его случаем, так как он был отмечен причудами как общего физиологического, так и психологического характера.

Во-первых, пациент казался на удивление старше своих двадцати шести лет. Умственное расстройство, то верно, быстро старит человека; но на лицо юноши легла удручающая печать, свойственная лишь людям весьма преклонных лет. Во-вторых, органические процессы его организма сделались странным образом рассогласованными — и ничто из обширного медицинского опыта не могло пролить свет на суть их нарушения. Дыхание, равно как и сердечная деятельность, страдали поразительным отсутствием ритмичности, голос едва ли не пропал — говорить у Варда выходило лишь шепотом. Процесс пищеварения, небывало заторможенный, почти совсем сошел на нет, а нервные реакции на стандартные раздражители не имели никакого отношения ни к чему ранее изученному — ни к норме, ни к патологии. Кожа была болезненно холодной и сухой, а клеточная структура тканей казалась чрезмерно грубой и слабо упорядоченной. Даже большое оливковое родимое пятно на правом бедре исчезло, а на груди образовалась очень своеобразная отметина, коей прежде и следа не бывало. Единственное, что могли констатировать врачи в связи с Вардом, — метаболизм пациента претерпел невообразимые изменения.

Психологически Чарльз Вард был также уникален. Его безумие не имело ничего общего ни с одним расстройством психики, описанным даже в самых современных и исчерпывающих трактатах, и проявлялось оно в совокупности с умственной силой, которая сделала бы Варда гением или лидером, если бы не те странные и гротескные формы, что обрели его личностные качества. Доктор Уиллет, семейный врач Варда, утверждал, что изрядные умственные способности пациента, если рассматривать

их независимо от душевной хвори, после первого срыва стали и вовсе незаурядными. Конечно, Вард всегда был прирожденным ученым и ценителем старины, но даже самые блестящие из его ранних трудов не демонстрировали ни ту хватку, ни ту поразительную прозорливость, которые он проявлял во время дознаний алиенистов¹. Поистине нелегко было добиться законного согласия на госпитализацию — настолько сильным и ясным казался ум юноши; и только свидетельства со стороны и непостижимые провалы в знаниях (и это — при уникальной образованности!) позволили в конце концов отлучить его от общества. До самого момента своего исчезновения Чарльз Декстер Вард оставался заядлым читателем и настолько активным собеседником, насколько позволял его севший голос. Проницательные наблюдатели, не сумевшие, впрочем, предвидеть его бегства, были уверены, что такому светлому уму недолго придется томиться в неволе.

Лишь доктор Уиллет, принявший Чарльза в этот мир и с тех пор наблюдавший за ростом его тела и ума, казалось, пугался одной лишь мысли о его будущей свободе. Пережив непростой опыт и сделав одно страшное открытие, о коем он не решился поведать своим скептически настроенным коллегам, доктор сам по себе сделался одной из загадок, связанных с делом Варда. Он последним видел пациента перед побегом и после разговора с ним явно испытывал ужас и облегчение, о чем вспоминали видевшие его, когда три часа спустя стало известно о пропаже Варда из больницы, так и оставшейся неразрешенной загадкой. Возможно, о чем-то говорило распахнутое окно — но выходило-то оно на отвесную стену восемнадцатиметровой высоты! Так или иначе, после разговора с Уиллетом юноша бесследно исчез. Сам доктор не представил каких-либо объяснений, но многие отметили, что он стал вести себя подозрительно спокойно — не в пример спокойнее, чем до бегства Варда. Чувствовалось, что он охотно рассказал бы о пациенте намного больше, если бы думал, что сколько-нибудь значительное число людей поверит ему. Уиллет еще застал Варда в его покоях, но вскоре после его ухода медсестры на дежурстве попытались дозваться больного — и никакого ответа не получили. Дверь в палату отперли; внутри никого не оказалось, лишь задувал в распахнутое окно стылый апрельский ветер, разгоняя по

¹ В описываемое Лавкрафтом время считалось, что люди, страдающие психическими расстройствами, «отчуждены» от своей истинной сущности, поэтому специалистов, изучающих данный тип расстройств, называли алиенистами (от англ. alien — чужой, отчужденный).

полу голубовато-серую пыль непонятного происхождения, обладавшую весьма затхлым, удушливым запахом. Немногим раньше собаки подняли беспричинно понурый вой, но в то время доктор Уиллет еще находился с Вардом, да и успокоились животные сравнительно быстро.

Отцу юноши сразу же сообщили о случившемся по телефону, но он показался скорее опечаленным, чем удивленным. К тому времени, когда глава лечебницы доктор Уэйт позвонил ему лично, доктор Уиллет уже разговаривал с ним, и оба отрицали свою причастность к побегу. Только от некоторых близких друзей Уиллета и Варда-старшего были получены разъяснения — слишком, впрочем, фантастичные, такие, что трудно принять на веру. Один лишь факт остается фактом — до настоящего времени не было обнаружено никаких следов беглого безумца.

Как уже было упомянуто, Чарльз Вард с младых ногтей увлекся стариной. Свой вкус, без сомнения, он выработал за счет почтенных лет города, в котором проживал; свою роль сыграли и реликвии минувших дней, наполнявшие каждый уголок старого особняка его родителей, стоявшего на Проспект-стрит на вершине холма. С годами его преданность древним вещам возрастала, так что история, генеалогия и изучение колониальной архитектуры, мебели и ремесел вытеснили все остальное из сферы интересов Варда. Эти пристрастия важно помнить при рассмотрении его безумия, ибо хотя они и не образуют его абсолютного ядра, все же играют заметную роль в его поверхностных проявлениях. Пробелы в информации, на которые обращали внимание алиенисты, были связаны с современностью — и неизменно компенсировались соответствующими чрезмерными, хотя и внешне скрытыми знаниями о прошлом, выявляемыми искусными расспросами; так что можно было подумать, что пациент буквально переносится в прошедшую эпоху посредством какой-то неясной разновидности самогипноза. Еще больше изумляло то, что интерес Варда к старине внезапно иссяк; сполна удовлетворив его, все силы своего ума он бросил на познание окружающего мира, сведения о коем вдруг улетучились из его памяти. Сей факт Чарльз Вард пытался всячески скрыть, но для многих вполне очевидным казалось, что его жажда к чтению и беседам объясняется отчаянными попытками наверстать упущенное, вобрать как можно больше знаний о собственной жизни и культурно-бытовых особенностях современного мира — казалось бы, предельно очевидных для человека, родившегося в 1902 году и получившего современное надлежащее образование. После исчезновения Варда психиатры удивлялись, как удалось беглецу, почти

не разбиравшемуся в перипетиях сегодняшнего дня, приспособиться и влиться в общество. Господствующий вердикт — Вард залег на дно, затаился, смирившись с самым примитивным бытом, до той поры, пока знаниями не сравняется с современниками.

Что же положило начало безумию благополучного члена общества? Алиенисты так и не сошлись во мнениях на сей счет. Профессор Лиман, известный бостонский авторитет, началом болезни полагает 1919 или 1920 год, когда мальчик учился в последнем классе школы Моисея Брауна и внезапно перешел от изучения истории к оккультизму, отказавшись попутно поступать в колледж на том основании, что ему предстояло провести гораздо более важные индивидуальные исследования. Это, безусловно, подтверждается изменившимися привычками Варда в то время, особенно его постоянными копаниями в городских архивах и поисками среди старых захоронений одной весьма конкретной могилы, заложенной в 1771 году. Лежал в той могиле далекий предок юноши, Джозеф Карвен, чьи личные бумаги Вард, по собственному признанию, ненароком обнаружил в старом квартале Стэмперс-Хилл, за облицовкой стены ветхого дома на улице Олни-корт, где когда-то пращур и жил. Как будто бы и нечего противопоставить мнению о том, что зимнее межгодье привнесло в ум Варда значительные перемены, сподвигнувшие забросить исторический курс и начать изучение оккультных дисциплин — как дома, так и за границей, — отличаясь попутно на поприще странно-настойчивых поисков могилы своего предка.

Однако доктор Уиллет существенно расходится во мнениях с профессором Лиманом, основывая свой вердикт на доскональном знании пациента, продолжительном знакомстве с ним и на некоторых наводящих страх открытиях, сделанных им в отношении последнего. Для доктора те изыскания не прошли даром — его голос дрожит, когда он заводит рассказ о них, и рука его нетверда при всякой попытке доверить их бумаге. Уиллет признает, что перемены на рубеже 1919-го и 1920-го годов задали начало кошмару года 1928-го, но считает, что ряд нюансов требует критического уточнения. И пусть Вард всегда был неуравновешен по темпераменту и склонен к фатальной впечатлительности и непредсказуемой рефлексии, не роковое межгодье ознаменовало в его случае фактический переход от здравомыслия к безрассудству. Здесь доктор Уиллет склонен верить словам самого пациента о том, что он открыл (или пробудил) нечто, глубоко и непостижимо воздействующее на человеческий разум. Истинное безумие, уверен Уиллет, пришло

с более поздними изменениями — после того, как был обнаружен портрет Карвена и древние документы; после путешествий Варда на чужбину и зловещих инвокаций, к коим он прибегал при странных, потаенных обстоятельствах; после того, как были ясно указаны некоторые последствия оной магии и полубезумного письма, написанного в горячечном состоянии ума. И это еще самые рациональные доводы в пользу доктора; а ведь не стоит забывать и о зловещих слухах из Потаксета, поминающих вампиризм, и тонких переменах в голосе и облике Варда, многими впоследствии подмеченных.

С присущей ему врачебной наблюдательностью — но притом не без заметной суеверной дрожи — Уиллет отмечает, что именно в то время у Варда проявились непостижимые качества, подтверждающие признание о находке, сыгравшей поворотную роль в его жизни. Прежде всего, двое надежных и здравомыслящих свидетелей доказывают нахождение тех старинных бумаг, что принадлежали предку Чарльза. Кроме того, сам Вард однажды разрешил доктору ознакомиться с несколькими документами, в том числе и страницей из дневника Джозефа Карвена, в чьей подлинности сомневаться попросту не приходилось. Стенную нишу, из коей Вард извлек бумаги, давно заделали, но много позже доктор Уиллет лицезрел находки вновь — в немыслимой, едва ли доказуемой обстановке. Ко всему следует присовокупить и те причудливые, исполненные скрытого смысла совпадения в письмах Саймона Орна и Эдуарда Хатчинсона, и особенности почерка Карвена, и информацию о некоем докторе Аллене, раздобытую детективами, а также и то устрашающее послание, начертанное угловатым почерком средневекового ученого, обнаруженное Уиллетом в кармане, едва доктор пробудился от забытья после одного рискованного приключения.

И убедительнее всего этого — двойной шокирующий итог применения доктором двух определенных формул во время своего последнего предприятия; итог, фактически доказавший неподдельность бумаг Карвена и скрытую в них угрозу — аккурат в тот час, когда бумаги те стали навечно закрытой страницей в истории человеческого знания.

2

На прежнюю жизнь Чарльза Декстера Варда уместно оглядываться как на столь же глубокую старину, сколь и реликвии древности, предмет его горячего обожания. Осенью 1918 года, проявляя немалый интерес

к военной подготовке былых времен, он поступил на первый свой курс в школе Моисея Брауна, расположенной совсем рядом с его домом. Старое главное здание, возведенное в 1819 году, всегда очаровывало его юношеское антикварное чутье, а просторный парк, в котором располагалась академия, привлекал его острый взор к пейзажу. Его общественная деятельность была достаточно скупа; долгие часы проводил он то дома, то в бесцельных прогулках, то на занятиях и за штудиями, в поисках антикварных и генеалогических данных — в городской ратуше и в здании администрации, в публичной библиотеке и в «Атенеуме»¹, на собраниях Исторического общества и в библиотеках Джона К. Брауна и Джона Хэя, в Университете Брауна и в совсем недавно открытом книгохранилище Шепли на Бенефит-стрит... Высокий, стройный, светловолосый, с чуть запавшими глазами и легкой сутулостью — таким был он в те дни. В одежде он позволял себе некоторую дозволенную его вкусом небрежность и производил впечатление этакого повесы — средней привлекательности и абсолютной безвредности.

Прогулки служили ему упражнениями в поисках исконного — и во время них Чарльз неизменно преуспевал в восстановлении из бесчисленных реликвий очаровательного старого города яркой и связной картины прошедших веков. Домом ему служил большой георгианский особняк на вершине почти отвесного холма, возвышающегося к востоку от реки, и из фасадных окон пристроек Чарльз созерцал с высоты скопление шпилей, куполов, крыш и высот нижнего города, тянущееся вплоть до переливающихся багрянцем сельских холмов. Здесь он родился, и от изящного классического крыльца при двуглавом кирпичном фасаде гувернантка впервые катала его в мальпосте мимо маленького белого фермерского домика двухсотлетней давности, который город давно уж прибрал к рукам, и дальше — к величественным колледжам вдоль тенистой роскошной аллеи, к коей примыкали живописные дворы старинных кирпичных особняков и маленьких деревянных домиков с узкими верандами, уставленными солидными колоннами дорического стиля².

Варда катали и вдоль сонной Конгдон-стрит, расположенной на один ярус ниже по крутому склону холма, со всеми ее восточными домами

---

¹ Библиотека в Провиденсе, основанная в 1836 году.

² Архитектурный стиль колонн, сложившийся в древней Греции в Дориде. Считался наиболее простым и крепким — колонны были лишены лепнины и сложных узоров, их «тело» имело некоторое утолщение — энтазис, как если бы сооружение и в самом деле подвергалось «тяжести небес», которые с усилием удерживало.

на высоких террасах. Маленькие деревянные постройки здесь были в среднем старше, ведь именно на этот холм «взбирался» растущий город; и во время этих прогулок мальчик впитал в себя пьянящую красоту колониального поселения. Гувернантка любила посидеть на скамейке на Проспект-террас и поболтать с молодым полицейским, тогдашним своим сердечным увлечением, и одно из первых детских воспоминаний Варда — увиденная с этой просторной, обнесенной заграждением насыпи картина простершегося в западной стороне необъятного моря крыш, куполов, шпилей и далеких холмов, подернутых легкой мглой, окрашенных в таинственный фиолетовый цвет на фоне полыхающего красным, пурпурным и золотым огнем заката, крапленого причудливыми зелеными сполохами. Огромный мраморный купол здания городской администрации темнел на фоне пламенеющих небес, венчающая его статуя вдавалась в подобный ореолу проем в слоистом облачном фронте — зрелище дивное, почти что фантазмагорическое.

И вот, когда Вард подрос, пришла пора его собственных городских одиссей — уже без гувернантки, нетерпеливо влекомой за тонкую руку, в одиночестве, в медитативно-мечтательном темпе. Все дальше и дальше сходил он по тому почти отвесному склону, с каждым разом достигая все более старых и причудливых уровней древнего города. Он осторожно спускался по вертикальной Джинкс-стрит с ее прибрежными твердынями и фронтонами в колониальном стиле, шел на тенистый угол Бенефит-стрит, где прямо перед ним предстал деревянный дом — настоящий архитектурный памятник, чьи дверные проемы окружали ионические анты¹. Неподалеку — просевшая под грузом лет усадьба с двускатной крышей при запущенном скотном дворе, а еще немного поодаль — большой дом судьи Дёрфи с его еще не до конца развеянным георгианским флером. Места эти мало-помалу заустевали, обращаясь в трущобы, но величественные вязы погружали старый город в реабилитирующую тень, и мальчик шагал дальше на юг, мимо длинных верениц дореволюционных домов, коронованных высокими трубами. Дома по восточной стороне улицы жидились на высоких фундаментах, к их дверям с разных сторон подходили каменные лесенки с перилами, и юный Чарльз воображал их новехонькими, недавно отстроенными, и перед его мысленным взором по тротуарам, ныне истоптанным и стертým, прохаживались в пышных париках и красных атласных туфлях обитатели прошлого.

---

¹ Анта (греч.) — прямоугольный столб или выступ, образованный продолжением стен здания, часто оформляющий оба конца портика или входа.

К западу холм спускался почти так же круто, как и уровнем выше, — к седой «променадной улице», проложенной основателями города на речном берегу в 1636 году. Здесь тянулись бесчисленные узенькие улочки с покосившимися, теснящимися домами необъятной древности; и как ни был Чарльз очарован, прошло немало времени, прежде чем он осмелился проникнуть в их архаическую реальность, опасаясь, что они окажутся миражами или же ничуть не благодушно настроенными к нему призраками. Гораздо менее рискованно, по его тогдашнему мнению, было идти себе дальше по Бенефит-стрит, где за железной оградой таился двор церкви Святого Иоанна, вмещавшей в 1761 году колониальную управу, и полуразрушенный постоянный двор «Золотой Шар», где некогда останавливался Вашингтон. На Улице Встреч, в иные эпохи значившейся как перекресток Гейл-Лейн и Кинг-стрит, Чарльз устремлял взгляд вверх, на восток, — и видел арочный лестничный пролет, в который переходила дорога. В западной же стороне, внизу, виднелась старая кирпичная школа, а расположенный напротив дом, где печатались «Провиденс Газетт» и «Кантри Джорнэл», еще до Революции украшала старинная вывеска с изображением шекспировского профиля. Далее красовалась Первая Баптистская Церковь, возведенная в 1775 году, — особый шарм придавали ей несравненная колокольня работы Гиббса¹, георгианские кровли и купола. К югу улицы становились пригожее, являя все больше ухоженных имений ранней постройки; но все же маленькие древние улочки — призрачное в своем архаизме море остроконечных крыш — шли вниз по обрыву на запад, снисходя в буйство цветистого упадка, где старая набережная вспоминала свои гордые лихие дни Ост-Индской компании, средь гениев порока и нищеты, просоленных причалов и мутноглазых корабельных фонарей; где все еще сохранились названия в духе «переулок Пакетботный²», «улица Пиастр», «улица Дублонная» и тому подобные.

Порой, едва лишь став старше и смелей, юный Вард отваживался спуститься в этот водоворот расшатанных жилищ, сломанных фрамуг, прогнивших крылец, кривых балюстрад, смуглых лиц и безымянной вони. Там петлял он от Саутмейн к Саутвотер, разыскивая доки, где

¹ Джеймс Гиббс (1682–1754) — известный английский архитектор, сочетавший итальянский и английский архитектурные стили. Получил известность после строительства церкви Сент-Мартин в Лондоне, ставшей образцом XVIII века для английской и американской религиозной архитектуры.

² Пакетбóт (от немецкого *pack* — тюк и *boot* — лодка) — старинное почтовое или почтово-пассажирское судно.

все еще соприкасались бухта и шумные пароходы, и возвращаясь на север низами мимо складов 1816 года с крутыми крышами, по широкой площади у Большого моста, где рыночный дом 1773 года все еще твердо стоял на своих древних опорах. На площади Вард останавливался подивиться ошеломляющей красоте старого города, возвышающегося на восточном утесе, украшенного двумя георгианскими шпилями и увенчанного огромным новым куполом церкви Христианского Учения — как Лондон коронован собором Святого Павла. Больше всего ему нравилось приходить сюда ближе к вечеру, когда косые лучи солнца касались рыночного дома, заливали холмы и колокольни золотом и окутывали дымкой грезы пристани, где когда-то стояли на якоре пионеры Провиденса. Наконец, чувствуя, как после долгого созерцания кружится голова от щемящей поэтической любви к этой прекрасной картине, Вард восходил по склону — и уже в сумерках шел домой мимо старой белокаменной церкви, вверх по узким крутым тропинкам, где медовый свет уже сочился из маленьких окошек и входных дверей, высоко поднимавшихся над двойными пролетами ступеней с причудливыми коваными перилами.

В другое время и в более поздние годы Чарльз искал ярких контрастов. Одну половину прогулки проводил он в разрушающихся колониальных районах к северо-западу от своего дома, где холм спускается к более низкой возвышенности Стэмперс-Хилл, к гетто и негритянским кварталам, сгрудившимся вокруг того места, где до Революции брал начало каретный тракт в Бостон. Вторая же половина приходилась на благодатное царство южных кварталов — Георг-стрит, Беневолент-стрит, Пауэр-стрит, Уильямс-стрит, — где сохранились в первозданном виде великолепные поместья, обнесенные каменными палисадами роцци и благоуханные зеленые аллеи. Эти блуждания вкупе с прилежной учебой, несомненно, во многом объясняют солидный багаж антикварных знаний, впоследствии вытеснивших современный мир из сознания Чарльза Варда. Они весьма наглядно иллюстрируют ту духовную почву, из которой в роковое зимнее межгодье проклюнулись побеги, принесшие затем столь страшные и странные плоды.

Доктор Уиллет уверен, что вплоть до злополучной зимы, когда были отмечены первые изменения в характере Варда, его увлечение стариной не несло в себе никакого следа патологии. Кладбища привлекали его лишь оригинальностью памятников и исторической ценностью, и ни о каких танатофильских порывах не шло и речи. Но вот, постепенно и

едва заметно, начали обнаруживаться любопытные последствия одного из самых блестящих генеалогических открытий Чарльза, сделанного год назад: среди его предков по материнской линии обнаружился некий Джозеф Карвен, завидный долгожитель, перебравшийся из Салема в Провиденс в марте 1692 года и распутивший по округе паутину странных, если не сказать — тревожных, слухов.

Прапрадедушка Чарльза, Уэлькам Поттер, в 1785 году сочетался браком с некоей Энн Тиллингэст, дочерью миссис Элизы. Миссис Элиза, в свою очередь, происходила от капитана Джеймса Тиллингэста; родословная же самого капитана таяла в тумане безвестности. Уже в самом конце 1918 года, изучая рукописный том старых городских учетных записей, молодой специалист по генеалогии наткнулся на пометку, описывающую законную смену имени, — в 1772 году миссис Элиза Карвен, вдова Джозефа Карвена, восстановила для себя и своей семилетней дочери Энн девичью фамилию Тиллингэст на том основании, что «имя ее мужа стало публичным упреком в силу подробностей, открывшихся после его кончины и подтвердивших прежние слухи, коим не верила добропорядочная жена, пока существовала даже тень сомнения». Пометка обнаружилась при разделении двух страниц, намеренно склеенных и означенных как одна, путем тщательной ревизии всей сквозной нумерации страниц тома.

Юноша сразу понял, что обнаружил до поры неведомого прапрапрадеда. Открытие вдвойне взволновало его — ему доводилось уже слышать некоторые расплывчатые намеки касательно сего человека, о коем не сохранилось никаких официальных сведений, не считая ставших доступными совсем недавно. Складывалось впечатление самого настоящего заговора, нацеленного стереть саму память о Джозефе Карвене. Оно и побудило Варда узнать, что же хотели сокрыть и позабыть отцы города и какими доводами они в ту пору руководствовались.

До этого открытия романтический интерес Варда к Джозефу Карвену не переходил границы обыкновенного любопытства, однако, обнаружив родственную связь с очевидно «замалчиваемым» персонажем, он принялся систематически искать все, что только можно было найти о нем, — и в своем вдохновенном поиске преуспел сверх всяких чаяний. Старые письма, дневники и неопубликованные мемуары, найденные на затаенных паутинной чердаках Провиденса и не преданные наследниками огню, обнаружили множество ценных сведений. Важное сообщение пришло также и из далекого Нью-Йорка, где в музее-таверне Фрунзе хранилась

корреспонденция колониальных времен, в том числе и из штата Род-Айленд. Однако по-настоящему решающей и, по мнению доктора Уиллета, определяющей ступенью на пути к гибели Варда стала находка августа 1919 года — бумаги, спрятанные в стене полуразрушенного дома на улице Олни-корт. Именно они указали юноше путь к темной бездне глубочайшего падения.

ГЛАВА 2. ПРЕДВЕСТНИК И МОРОК

1

Джозеф Карвен, как сообщали предания, услышанные и прочитанные Вардом, был человеком удивительным, загадочным и внушавшим непонятный страх окружающим его людям. Он бежал из Салема в Провиденс — сию универсальную гавань для эксцентриков, свободолюбцев и попирателей устоев — в самом начале великой охоты на ведьм, убоявшись обвинений в колдовстве в силу его нелюдимости и интереса к химии и герметической медицине. Тридцатилетний мужчина неприметного облика вскоре стал полноправным гражданином Провиденса и приобрел участок под дом севернее имения Грегори Декстера, там, где брала начало Олни-стрит. Стройка велась в квартале Стэмперсхилл, западнее Променадной улицы, — впоследствии тот участок был переименован в Олни-корт. В 1761 году Карвен переселился в большой особняк по соседству, стоящий незабывемо по сей день.

Первое, что казалось странным в Джозефе Карвене, — то, что он нисколько не старел с течением лет. Он занимался судоходством, выкупил причал близ бухты Майл-Энд, помог восстановить Большой мост в 1713 году, а в 1723-м стал одним из основателей Конгрегационалистской церкви, неизменно храня неприметный вид человека ненамного старше тридцати—тридцати пяти лет. По мере того, как шли десятилетия, это исключительное качество стало привлекать широкое внимание; но Карвен всегда объяснял это тем, что-де произошел из выносливого рода и вел умеренную жизнь, не отягощавшую его организм. Как заявленная «умеренность» соотносилась с вечными разъездами скрытного торговца, а также с его горящими ночи напролет окнами, оставалось для горожан загадкой — немудрено, что они стали искать другие объяснения непреходящей карвеновой молодости. Большинство сходилось во мнении, что цветущий внешний вид ему помогают беречь различные химические

снадобья, приготовляемые в лаборатории особняка. Ходили слухи о странных веществах, которые Карвен привозил из Лондона и Индии на своих кораблях или покупал в Ньюпорте, Бостоне и Нью-Йорке; и когда доктор Иавис Боуэн, перебравшийся из Бастерленда¹, открыл на другом конце Большого моста аптеку под вывеской «Тигель Козерога», досужий говор о лекарствах, кислотах и металлах, постоянно приобретаемых в том заведении немногословным бирюком, более не утихал. Полагая, что Карвен — адепт удивительного и тайного врачебного мастерства, многие страдалцы обращались к нему за помощью. Хотя он, казалось, поощрял их веру в уклончивой форме и всегда снабжал их разноцветными снадобьями и мазями в ответ на их просьбы, было замечено, что его помощь другим редко приносила пользу. Наконец, когда прошло более пятидесяти лет со времени появления незнакомца — а его лицо и телосложение изменилось лет на пять, не более — люди стали перешептываться более угрюмо, почти перестав навещать Карвена. И того, похоже, это более чем устроило.

Частные письма и дневники того периода раскрывают также множество других причин, по которым Джозефу Карвену сначала удивлялись, затем боялись его и, наконец, избегали как чумы. Его страсть к погостам, где его заставляли в любое время и во всякую погоду, обрела печальную известность, хотя никто и не замечал с его стороны ничего такого, что можно было назвать непотребным. На Потаксет-роуд у Карвена была ферма, где он обычно жил летом и куда частенько направлялся верхом в разное время дня и ночи. Там его единственными слугами выступала супружеская чета индейцев из племени Наррагансетт: муж немой, весь в каких-то странных порезах, а жена невероятно уродливая — надо думать, из-за примеси крови черномазых. В пристройке фермы располагалась лаборатория, где проводилось большинство химических опытов. Любопытные носильщики и грузчики, доставлявшие бутылки, мешки или коробки к черному ходу, обменивались рассказами о фантастических колбах, тиглях, перегонных кубах и печах, увиденных в низкой комнате с полками, и шепотом пророчествовали, что молчаливый «химик» — читай: чародей — вскоре получит философский камень.

Ближайшие соседи этой фермы — Феннеры, жившие в четверти мили хода, — рассказывали еще более странные вещи о звуках, которые, как

---

¹ Регион Намибии (Юго-Западная Африка). Название получил от бастеров — потомков исконно проживающего на территории племени орлам-нама и первых голландских колонистов.

они утверждали, доносились ночью с земель Карвена. Они говорили, что слышали крики и продолжительные завывания, и их неизменно настораживало большое количество скота, толкавшегося на карвеновых пастбищах, — явно ведь не требовалось такого числа голов, чтобы покрывать нужды одиночки и пары слуг в мясе, молоке и шерсти. По мере приобретения кингстаунскими фермерами новых стад состав поголовья, как казалось, менялся от недели к неделе. Кроме того, на округу наводил страх огромный каменный флигель с узкими щелями вместо обыкновенных окон.

Зеваки с Большого моста рады были порассказать всякое о городском доме Карвена на Олни-корт: не столько о красивом новом особняке, построенном в 1761 году, когда владельцу, должно быть, исполнился почти что век от роду, сколько о его первом обиталище, низеньком, со старинной мансардой, чердаком без окон, стенами, обшитыми тесом, причем Карвен с подозрительной дотошностью проследил, чтобы все бревна и доски, оставшиеся после сноса, сожгли. Да, в сравнении с фермой дом казался не таким уж загадочным и мрачным местом, но негасимый свет в окнах в самые поздние часы, непробиваемое молчание единственной пары слуг — двух вывезенных неведомо откуда негров, ужасно неразборчивый акцент невероятно дряхлой француженки-экономки, ни с чем не сообразное количество провизии, доставляемой в дом, где проживало всего-то четыре человека, странные голоса, ведущие зловещие споры в явно неуместное для того время, — все вышперечисленное, вкуче со слухами, ходившими о ферме в Потаксете, принесло недобрую славу нелюдимому Джозефу Карвену.

В избранных кругах также не обходили вниманием дом Карвена; так как новоприбывший его владелец мало-помалу приобщился к церковной и торговой жизни города, он, естественно, завел знакомых лучшего сорта, чьим обществом и беседой вполне мог наслаждаться благодаря образованию. Он происходил из знатного рода — Карвены (допускалось, к слову, и альтернативное написание «*Корбен*») из Салема могли похвастаться известностью по всей новоанглийской территории. Выяснилось, что в молодости Джозеф много путешествовал, некоторое время жил в Англии и по меньшей мере дважды плывал на Восток. Когда он все-таки заговаривал (а случалось это нечасто), речь выдавала в нем благородного и образованного англичанина. По некой загадочной причине общество людей Карвена интересовало очень избирательно. Никогда не проявляя открытой неприязни в отношении своих гостей, Джозеф выстраивал вокруг себя настоящий лабиринт блоков, так что мало кто мог придумать, что сказать ему, не рискуя показаться докучливым или глупым.

Казалось, в его поведении таилось какое-то загадочное, сардоническое высокомерие, как будто он пришел к выводу, что все человеческие существа скучны и есть где-то более привлекательное и уместное общество. Когда в 1738 году именитый плут доктор Шекли прибыл из Бостона — занять должность настоятеля Королевской церкви, — он не пренебрег визитом к одному из тех, о ком стал вскоре столь наслышан в недобром ключе. Одним зимним вечером, обсуждая наследие Карвена, Чарльз Вард признался отцу, что многое бы отдал, лишь бы узнать, что такого высказал таинственный предок-отшельник священнику-жизнелюбу, что заставило последнего покинуть дом Карвена чуть ли не в гневе, но свидетельства эпохи единодушны в том, что повторить услышанное Шекли всякий раз отказывался, да и вообще не припоминал тот случай без зримой потери веселой учтивости, коей славился.

Чуть более ясна причина, по которой еще один человек с прекрасным воспитанием и вкусом избегал надменного отшельника. В 1746 году Джон Меррит, пожилой англичанин с обширными познаниями в литературе и науке, переехал из Ньюпорта в Провиденс — в город, столь резво догоняющий по значимости его родной, — и вскоре выстроил особняк в сердце Перешейка, ныне наиболее высоко ценимого загородного района. Жил Меррит на широкую ногу — держал превосходную карету и слуг в ливреях, обзавелся собственными телескопом и микроскопом, скопил немало редких книг. Узнав, что Карвен — хозяин лучшей частной библиотеки Провиденса, англичанин сразу же нанес тому визит. Был он принят куда радушнее прежних гостей; его искреннее восхищение изобилием греческой, латинской и английской классики, а также великолепной коллекцией научных трудов, где было место Парацельсу, Агриколе, ван Гельмонту, Сильвию, Глоберу, Бойлю, Бургаве, Бехеру, Шталю, настолько польстило Карвену, что он пригласил гостя посетить лабораторию на ферме — а такой чести до тех пор не удостоивался никто. Заняв карету мистера Меррита, двое джентльменов без промедлений отправились в путь.

Впоследствии мистер Меррит всегда признавался, что ничего ужасного на ферме не лицезрел, — но одних лишь названий книг по тауматургии¹, алхимии и теологии, хранимых Карвену на виду, вполне

---

¹ «Тауматургией» в Древней Греции называлось «искусство магии и чудес», некая обобщенная «дисциплина чудотворения», подразумевавшая, согласно древним источникам, как обычную ловкость рук, так и некое использование магии, призыв сил, лежащих за пределами человеческого восприятия.

хватало, чтобы поставить целесообразность знакомства с эксцентричным экспериментатором под вопрос. Возможно, конечно, сомнениям более поспособствовало выражение лица хозяина, демонстрировавшего гостю свое странное собрание, которое, помимо обычных книг, не вызывавших у Меррита зависти, включало в себя почти всю изведенную каббалистику, демонологию и магию, выступая настоящей сокровищницей познаний в сомнительных областях алхимии и астрологии. Французский перевод «Герметического корпуса» от Луи Менара, «Собрание философов», «Книга исследований» Джабира ибн Хайяна, «Ключ мудрости» Артия — все это имелось у Карвена, равно как и каббалистическая «Книга Зоар», компендиум Альберта Великого, составленный Питером Джамми, «Великое и окончательное искусство» Раймунда Луллия в издании Затцнера, «История Химии» Роджера Бэкона, «Ключ Алхимии» Роберта Фладда и «Философский камень» Иоганна Тритемия¹. В обилии были представлены средневековые иудейские и арабские мыслители. Меррит побледнел, когда, сняв с полки прекрасный том «Индо-исламского Канона», обнаружил, что в не вызывающую подозрений обложку переплетен запретный «Некрономикон» опального юродивого араба Абдуллы Аль-Хазреда. О книге Меррит был наслышан с тех пор, как несколько лет тому назад та фигурировала в деле о разоблачении безымянного языческого культа в маленькой рыбацкой деревушке Кингспорт, в провинции Массачусетского залива.

Но более всего достойного джентльмена обеспокоил небольшой отрывок из старинного сочинения. На массивном столе из высокоценного красного дерева покоился зачитанный том авторства Бореля, на полях и меж строк которого виднелись многочисленные пометки, сделанные рукой Карвена. Книга была раскрыта почти на середине, и один параграф был столь тщательно выделен, что Меррит не удержался и прочел его. Содержание ли выделенных предложений или та одержимость, с которой штрихи, почти прорвав бумажный лист, отграничили сей текст от всего прочего — трудно сказать, что из этого встревожило в большей степени бывалого английского библиофила. Отрывок он запомнил предельно ясно — и однажды даже процитировал его помянутому выше Шекли,

¹ Все перечисленные здесь автором алхимические и философские труды — реально существующие. Названия приведены в устоявшихся «смысловых» переводах с латыни, хотя, как правило, в кругах интересующихся алхимией как дисциплиной упоминаются без перевода, «как есть».

но не до конца, ибо негодованию сановника, послужившему ответом на такой шаг, не было предела. Итак, строки те сообщали:

«Основные соли животных могут быть приготовлены и сохранены таким образом, что изобретательный муж воссоздать способен весь Ноев ковчег в лаборатории своей и всякую прекрасную животную форму поднять из праха по желанию своему. Также из основных солей останков человеческих ученый муж способен, не прибегая к черному поруганию мертвых, форму любого предка из пепла возродить, где бы тело оною огню ни предали».

Однако же самые недобрые слухи о Джозефе Карвене ходили в доках на южном околотке Променадной улицы. Моряки — суеверный люд; и даже просоленные бывалые корабельщики, прошедшие семь морей на судах с ромом, рабами и специями, лихие водители каперов и бригов, принадлежавших Браунам, Крофордам и Тиллингэстам — все крестились, едва завидя сухощавого, обманчиво молодого мужчину со светлыми волосами и печатью легкой сутулости на плечах, когда тот посещал склады на Дублонной улице или вел деловые переговоры с капитанами и хозяевами грузов на длинном пирсе, куда без конца причаливали карвеновы суда. Даже те капитаны, что плавали под его началом, страшились и чурались своего нанимателя, а матросов Карвен набирал из числа не обремененного принципами отребья с Мартиники, Евстафьева острова, из Гаваны и Порт-Ройяла. К слову, настораживала та частота, с каковой обновлялся состав организуемых Карвеном команд. Когда судно приставало к берегу, экипаж отпускали в увольнение на сушу, а стоило всем снова собраться на борту, как непременно кого-нибудь не досчитывались. И практически всегда незнамо куда девались именно те матросы, кого отправляли с поручениями на ферму в Потаксете, и сей факт не укрывался от внимания остальных. Вскоре Карвен начал испытывать серьезные трудности с укомплектовкой экипажей — слух о роковом дельце с верфей Провиденса множился, кто-то непременно сбегал, а найти замену этим малодушным на вест-индских островах делалось все трудней.

Таким образом, к 1760 году Джозеф Карвен — самый настоящий изгой, подозреваемый в сделках с дьяволом и разного рода злодеяниях, тем паче жутких оттого, что никто не мог их обличить, описать и доказать. Последней каплей стала история с пропавшими в 1758-м солдатами. В марте и апреле того года два королевских полка, направлявшихся

в Новую Францию, были временно расквартированы в Провиденсе, после чего из обоих стали убывать солдаты — в количестве, каковое едва ли выходило списать даже на разгоревшийся очаг дезертирства. Говаривали, будто Карвена часто видели беседующим с «красными мундирами»; и поскольку многие из них впоследствии бесследно исчезли, снова вспомнились и странные исчезновения матросов. Кто знает, чем бы обернулось дело, не получи те полки приказ двинуться дальше.

Тем временем благосостояние Карвена знай себе прирастало. Он фактически монопольно торговал в Провиденсе селитрой, черным перцем и корицей, стал вторым после Браунов завозчиком медной посуды, индигокармина, хлопка, шерсти, соли, снастей, железа, бумаги и разнообразных британских товаров. Почти всецело зависели от Карвена такие ушлые торговцы, как Джеймс Грин, владелец магазинчика «Слон» в Чепсайде, чета Расселов, содержавшая лавку у Большого моста под вывеской «Золотой Орел», и даже Кларк с Найтингейлом — хозяева харчевни «Жареная Рыбина» близ Нового Кофейного Дома. А связи с местными винокурами, молочниками, индейцами-коневодами и свечниками из Ньюпорта сделали отшельника с дурной славой одним из ведущих экспортеров колонии.

Хоть Карвен и слыл изгоем, все же он жил в обществе — поэтому, когда сгорело здание колониальной управы, он пожертвовал на постройку нового, до сих пор украшающего старую центральную улицу, весьма значительную сумму. В 1761 году он ссудил деньги управе на реставрацию Большого моста, разрушенного октябрьскими штормами, а для публичной библиотеки приобрел множество новых книг — на замену сгинувшим в пожаре в управе. В довершение делец учредил сбор средств, по итогам коего была вымощена булыжником рыночная площадь, а на Променадной улице были заделаны многочисленные ямы и пробоины и проложен, как бы утверждая правомочность названия, настоящий прогулочный променад. К этому времени Карвен уже переселился в пусть не отличающийся архитектурными изысками, но отмеченный достаточной роскошью новый дом с ионическими антами при входе. Когда в 1743 году ревнители Уайтфилда откололись от церкви доктора Коттона и основали свой храм во главе с дьяконом Сноу напротив Большого Моста, Карвен присоединился к ним — хотя ревностным прихожанином пробыл совсем недолго. Позже он снова начал демонстрировать набожность, очевидно, желая избавиться от падшей на него тени —

сознавая, что, если не принять существенных мер, злые языки смогут немало навредить его репутации дельца.

2

Удивительно было наблюдать, как анемичный эксцентрик, переступивший рубеж столетия в маске мужчины средних лет, пытается отделаться от шлейфа народного страха и порочащих пересудов — настолько неопределенных, что сама их причина виделась укрытой мраком. Личное богатство и необходимость блюсти в обществе видимость приличий в конце концов оказались на стороне Карвена — его стали терпеть не в пример лучше, особенно после того, как перестали пропадать нанимаемые им матросы. К тому же он надлежащим образом скрывал свои кладбищенские мытарства — более на погостах его не заставляли, и даже слух о жутких явлениях близ фермы в Потаксете сошел на нет. Его огромные траты на провиант и скот притом сохранились, и до недавнего времени, когда Чарльз Вард поднял счета и накладные Карвена из городских архивов, никому, кроме этого остервенелого в своем интересе юнца, не пришло в голову сопоставить поразительно большое число чернокожих рабов, которых Карвен доставлял из Гвинеи вплоть до 1766 года, с ничтожно малым количеством купчих бумаг, удостоверяющих продажу их работорговцам с Большого Моста или окрестным плантаторам. Умело сочетаемые находчивость и изворотливость — то были одни из главных качеств Джозефа Карвена, умело разыгрываемые им при необходимости.

Но, как и следовало ожидать, запоздалые старания не принесли раннего успеха, ибо Карвена все так же сторонились, все так же не доверяли ему. Хоть бы и того, что древний старец на вид оставался мужчиной в самом расцвете сил, хватало для разного рода подозрений, и он не мог не понимать, что растущее общественное предубеждение может в один чернь день стоить ему материального достатка. Каким бы тайным целям ни служили его сложные исследования и эксперименты, они явно требовали немалых расходов. Карвен мог бы переехать куда-то еще, где никто бы не знал ни о его странной молодости, ни о темных делах, но переезд на новое место лишил бы его нажитых в Провиденсе преимуществ в торговле. Здравый смысл подсказывал дельцу поддерживать хорошие отношения с горожанами, рассеять окружающую его атмосферу угрюмого недоброжелательства, подозрительности и страха, не навлекать косых

взглядов, шепотка за спиной и желания под любым предлогом избежать его общества. Его беспокоили клерки, зарабатывавшие все меньше из-за начавшегося застоя в делах и не уходившие только потому, что никто теперь не хотел брать их на службу; он удерживал своих капитанов и матросов хитростью, привязывал к себе людей каким-либо способом: залогом, заемным письмом или, прознав что-нибудь компрометирующее, шантажом. Как отмечали не без восхищения многие современники, поистине колдовскую силу Карвен проявлял в извлечении на свет божий и использовании в сомнительных нуждах фамильных секретов! За пять лет до своей смерти он будто бы опросил лично множество умерших свидетелей — только так можно было объяснить иные деликатнейшие сведения, которые держал он, что козыри, наготове.

Примерно в это же время хитроумный ученый сыскал последний отчаянный способ восстановить свое положение в обществе. До сих пор он был совершенным отшельником, но теперь решил заключить выгодный брак, подобрав себе такую невесту, чье неоспоримое положение сделало бы невозможным презрительное отношение к нему самому. Возможно, у него были и более глубокие причины желать брака; причины столь далекие от известных сфер, что только документы, найденные через полтора столетия после смерти Карвена, заставили кого-то заподозрить их; но об этом ничего определенного теперь уж и не узнать. Естественно, Карвен сознавал, с каким ужасом и негодованием будет воспринят любой его обычный знак внимания к женщине, потому искал подходящую кандидатуру, на чьих родителей мог бы оказать соответствующее давление. То был нелегкий поиск, поскольку у Карвена были очень особые требования к красоте, достижениям и социальному обеспечению. В конце концов его поиски сузились до дома одного из лучших и старейших капитанов дальних плаваний, вдовца высокого происхождения и незапятнанного положения по имени Дьюти Тиллингэст, чья единственная дочь Элиза, казалось, была наделена всеми мыслимыми преимуществами, кроме перспектив стать богатой наследницей. Капитан Тиллингэст пребывал всецело под пятою Карвена; после напряженной встречи, состоявшейся в его доме на Пауэрс-Лейн, он был вынужден благословить сей богохульный союз.

Элизе Тиллингэст было в то время восемнадцать лет, и она воспитывалась столь достойно, сколь только позволяли стесненные обстоятельства ее отца. Она училась в школе Стивена Джексона при ратуше, и перед смертью матери от оспы в 1757 году была прилежно обучена

всем искусствам и тонкостям домашней жизни. Вышивки Элизы, сделанные ею в возрасте всего девяти лет, по сей день украшают комнаты Род-Айлендского исторического общества. После смерти матери она вела хозяйство, и ей помогала только одна старая негритянка. Несомненно, споры с отцом по поводу брака с Карвенем причинили ей немало боли, однако о том никаких достоверных сведений не сохранилось, и ее помолвка с Эзрой Уиденем, вторым помощником капитана судна «Кроуфорд Пэкет Энтерпрайз», была расторгнута. Седьмого марта 1763 года в Баптистской церкви, в присутствии всех знатных персон города, состоялась свадьба Элизы Тиллингэст и Джозефа Карвена — церемонию проводил Сэмюэл Виндзор-младший. В «Газетт» по этому поводу опубликовали коротенькую заметку, но из большинства сохранившихся экземпляров того номера ее либо вырвали, либо вырезали. Единственную уцелевшую копию газеты удалось найти в архивах известного частного коллекционера, и Чарльз Вард не мог не подивиться и не позабавиться безличного-галантному изыскательному стилю той эпохи:

«Вечером прошедшего понедельника мистер Джозеф Карвен, уважаемый житель нашего Города, Негоциант, сочетался брачными узами с Мисс Элизой Тиллингэст, Дочерью Капитана Дьюти Тиллингэста, — истинной Леди, чьи несомненные Достоинства вкупе с ангельской Красой да принесут Счастье и Согласье сему славному Союзу».

Содержание переписки Дёрфи и Арнольда, найденной Чарльзом Вардом незадолго до предположительно первого приступа душевной болезни в частной коллекции эсквайра Мелвилла Ф. Питерса с Георг-стрит, охватывающей не только интересовавший его, но даже и более ранний период, демонстрирует то великое возмущение, что всколыхнул в Провиденсе неравный брак. Однако Тиллингэсты пользовались в городе неоспоримым влиянием, и потому дом Джозефа Карвена вновь начала посещать публика, которая при иных обстоятельствах едва ли переступила бы его порог. И пусть общество не признавало Карвена по-настоящему, от чего особенно страдала его жена, все же от него уже не отворачивались, как прежде. Новобрачный удивил как свою супругу, так и всех окружающих, обращаясь с ней в высшей степени галантно и обходительно. В новом доме на Олни-Корт более не имели места никакие тревожные события, и, хотя Карвен часто отлучался на ферму в Потаксете, где его супруга так ни разу и не побывала, отныне он казался более нормальным гражданином, чем когда-либо за долгие годы своего

пробывания в Провиденсе. Только один человек оставался в открытой вражде с ним — и то был молодой офицер корабля, чья помолвка с Элизой Тиллингэст была так внезапно разорвана. Эзра Уиден при свидетелях поклялся отомстить; несмотря на спокойный и в общем мягкий характер, он взялся за дело с упорством, продиктованным ненавистью, что не сулило ничего хорошего человеку, отнявшему у него невесту.

Седьмого мая 1765 года родилась единственная дочь Карвена, Энн, крещеная преподобным Джоном Грейвсом в Королевской церкви, чьими прихожанами Карвены стали через некоторое время после свадьбы — то был своего рода компромисс между традициями двух родов, конгрегационалистов и баптистов. Записей о рождении девочки, как и свидетельств регистрации брака, заключенного за два года до ее появления на свет, в городских анналах не осталось, и восстановление правды о тех событиях стоило Чарльзу Варду немалых усилий — во многом запутанности следов способствовало решение вдовы Карвена вернуться к девичьей фамилии. Свидетельство о рождении Энн попало к Варду случайно, благодаря переписке с наследниками лоялиста доктора Грейвса, после революции увезшего с собой в изгнание дубликаты всех церковных учетных книг. Вард обратился к сему источнику, так как знал, что его прапрабабушка, Энн Тиллингэст-Поттер, принадлежала к епископальной церкви.

Вскоре после рождения дочери — события, которое он, казалось, приветствовал с пылом, совершенно не вязавшимся с его обычной холодностью, — Карвен решил позировать для портрета. Его написал очень одаренный шотландец по имени Козмо Александр, в то время — житель Ньюпорта, и с тех пор известный как первый учитель Гилберта Стюарта¹. Говорили, что портрет был написан на стене библиотеки дома в Олникорт, но ни один из двух старых дневников, упоминавших о нем, не давал никакого намека на его окончательное расположение. В этот период сумасбродный ученый проявлял признаки необычной рассеянности и проводил как можно больше времени на своей ферме на Потаксет-роуд. Говорили, что он находился в состоянии подавленного возбуждения или ожидания, как будто готовился к некоему феноменальному явлению или находился на грани странного открытия. Химия или алхимия,

¹ Гилберт Чарльз Стюарт (англ. Gilbert Charles Stuart; 1755–1828) — американский живописец, считающийся одним из основоположников американской живописи. Прежде всего известен как портретист, создавший более тысячи портретов своих современников, включая шесть первых президентов США.

по-видимому, играли большую роль в том прорыве, ибо Карвен перевез из своего дома на ферму большую часть томов по сим дисциплинам.

Его гражданский интерес не уменьшался, и он не упускал возможности помочь таким важным фигурам, как Стивен Хопкинс, Джозеф Браун и Бенджамин Уэст, в их усилиях поднять культурный тонус города, который тогда был намного ниже уровня Ньюпорта в вопросе покровительства свободным искусствам. Карвен помог Дэниелу Джинксу основать книжный магазин в 1763 году и с тех пор был его лучшим покупателем, оказывая помощь также «Провиденс Газетт», печатавшейся в районной типографии. В политике он горячо поддерживал губернатора Хопкинса против эдвардианской партии, чьи главные силы заседали в Ньюпорте, и его одухотворенные речи в пользу сохранения целостности Провиденса как города, против сепарации северных его районов в отдельное поселение, сделали больше, чем какое-либо иное деяние, чтобы ослабить предубеждение против него. Но Эзра Уиден, внимательно наблюдавший за Карвеном, божился, что все благие дела — не более чем прикрытие для чего-то по-настоящему скверного, пахнущего адской серой. Мстительный молодой человек принялся систематически собирать сведения о своем противнике в порту и проводил часы на верфи с плоскодонкой наготове, готовый преследовать утлую лодку, время от времени покидавшую складские причалы и сплавлявшуюся вниз по заливу. Вдобавок Уиден пристально следил за фермой в Потаксете; однажды он подобрался к ней явно ближе положенного, и в ответ слуги-индейцы спустили на него собак. Само собой, такого рода неудача лишь укрепила в Уидене злость на Карвена.

3

В 1766 году произошла окончательная перемена в Джозефе Карвене — неожиданная и привлекающая всеобщее внимание. Сбросив, точно так, как бабочка избавляется от кокона, пелену ожидания и нетерпенья, Карвен явил любопытствующему миру восторг от свершенного триумфа. Он, казалось, с трудом удерживался от того, чтобы во всеуслышанье объявить о том, что нашел, узнал или сделал; но, по-видимому, потребность в тайне была куда важнее желания разделить радость с кем-то, и потому никаких объяснений от Карвена так и не последовало. Именно после той перемены, пришедшей в начале июля, зловещий ученый начал изумлять людей познаниями, которые, казалось, могли передать только их давно умершие предки.

Но лихорадочная тайная деятельность Карвена отнюдь не прекратилась с этой переменой. Напротив, она скорее обрела больший масштаб — все более значительный объем его морских перевозок поручался капитанам, привязанным к Карвену узами страха, такими же значительными, как прежде — боязнь разорения. Делец из Провиденса полностью оставил работорговлю, утверждая, что доходы от нее только падают, почти не покидал ферму в Потаксете. Говаривали, что тайными короткими тропами Карвен ходит на погосты — похоже, не так-то и сильно сменились привычки и пристрастия вековечного негоцианта. Эзра Уиден, вынужденный время от времени прерывать слежку, ходя в плавания, не мог заниматься этим систематически, но зато обладал мстительным упорством, которого были лишены погруженные в повседневные заботы горожане и фермеры; еще дотошнее, чем прежде, изучал он все связанное с именем Джозефа Карвена.

Странные маневры судов, принадлежавших дельцу, горожане объясняли трудными временами — тогда всякий колонист всеми силами противостоял Закону о сахаре¹, серьезно подорвавшему морскую торговлю. Контрабанда стала нормой в заливе Наррагансетт, и ночные перевозки незаконных грузов уже никого не способны были насторожить. Однако Уиден, еженощно следивший за баржами, тайно отплывавшими с верфей Карвена, утвердился вскоре во мнении, что зловещий делец столь тщательно скрывается отнюдь не от патрульных флотов Его Величества. До 1766 года на подобных судах обыкновенно перевозили кандалованных негров, коих высаживали в малоизвестном месте на берегу к северу от Потаксета, потом отвозили вверх по утесу и через всю окраину на ферму, где запирали в огромном каменном флигеле с одними только высокими узкими прорезями вместо окон. Но в означенном году грянули перемены, и подобный маршрут стал более не осуществим. Ввоз рабов сразу же прекратился, и на некоторое время Карвен оставил свои полуночные плавания. Затем, примерно весной 1767 года, заявили о себе новые потаенные маневры. Лихтеры² снова стали выходить из черных безмолвных доков, и на этот раз им предстояло пройти по заливу некоторое рас-

¹ Закон о сахаре, принятый в 1764 году английским парламентом, был направлен на пресечение контрабанды сахара и патоки из французских и нидерландских колоний в Вест-Индии, на повышение доходов метрополии.

² Лихтер (нидерл. *lichter*) — разновидность баржи, грузовое несамоходное безкипажное однотрюмное морское судно с водонепроницаемым люковым закрытием, используемое для перевозки грузов с помощью буксирных судов.

стояние — возможно, до мыса Намквит, — и принять груз со странных вместительных судов, приходивших к Провиденсу под самыми разными флагами. Люди Карвена доставляли полученное к старому месту на берегу, перевозили по суше на ферму, запирали во все том же загадочном каменном здании, что раньше принимало негров. Груз состоял почти целиком из ларей и ящиков, по большей части — продолговатых, тяжелых, подозрительно напоминавших гробы.

Уиден всегда наблюдал за фермой с неослабевающим усердием, посещая ее каждую ночь в течение долгих периодов времени; редко когда позволял он себе неделю без дозора, разве что в те ночи, когда выпадал обличительный свежий снег — и даже тогда он частенько подходил как можно ближе по проторенной дороге или по льду соседней реки, намереваясь сыскать следы других визитеров. Покидая сушу, Уиден подряжал своего старого знакомого по имени Елеазар Смит сменить его на посту. При желании эти двое могли бы пустить по городу весьма любопытные слухи, но предпочитали держать языки за зубами, дабы не спугнуть Карвена и вызнать как можно больше. У Уидена с Елеазаром был уговор: разжиться сперва как можно более точными сведениями о делах Карвена, а уж потом что-либо предпринимать. Вероятно, они узнали немало удивительного, и Чарльз Вард в разговоре с родителями часто сетовал на то, что Уиден позже решил сжечь свои записи. Все факты были им почерпнуты из довольно невразумительного дневника Елеазара Смита, высказываний других мемуаристов и авторов писем, просто повторявших услышанное от других. По их словам, ферма служила своего рода фасадом, скрывавшим некую огромную, богопротивную угрозу — такого размаха и глубины, что и уразуметь-то непросто.

Известно, что Уиден и Смит рано убедились в том, что под фермой пролегает самая настоящая *сеть* туннелей и катакомб, в которых, кроме старого индейца и его жены, обитает еще не одна живая душа. Дом представлял собой старинный островерхий реликт середины семнадцатого века, с огромной дымовой трубой и решетчатыми окнами с ромбовидными стеклами, лаборатория располагалась в пристройке к северу, где скат крыши почти доставал до земли. Это здание стояло в стороне от остальных; и все же, судя по голосам, раздававшимся в разное время внутри, туда можно было попасть через потайные ходы в земле. Те голоса до 1766 года оставались просто бормотанием, шепотом негров-рабов и дикарскими криками, смешанными с любопытными песнопениями или призывами; но впоследствии они обрели ужасное качество, превращаясь

то в многоголосый бездумно-покорный гул, то в спорадические вопли неистовой боли и ярости. Мольбы и стенания то и дело превращались в кровожадно-нетерпеливые завывания — на самых разных языках, несомненно знакомых Карвену, во множестве всевозможных интонаций и акцентов.

Судя по всему, в доме, кроме зловещего дельца и охранников, пребывал целый сонм плененных. Нередко до Уидена и Смита доносились отголоски речи столь причудливо звучащей, что приятели терялись в догадках, силясь определить национальность говорившего, хотя обоим приходилось бывать во множестве шумных многоязычных гаваней мира. Сами разговоры всегда напоминали допросы — как если бы Карвен, вещающий сухим отчетливым голосом, пытался силой вырвать из обезумевших от страха или бунтующих пленников потребные ему сведения.

Уиден сохранил в своем блокноте много стенографических отчетов о подслушанных допросах, так как английский, французский и испанский, которые он знал, часто в них использовались, — но из тех записей ничто не дошло до дней Чарльза Варда. Однако Уиден говорил, что, кроме бесед, в коих речь шла о прошлых делах семей Провиденса, большинство вопросов и ответов, понятных ему, носили историко-научный характер, порой касаясь весьма отдаленных мест и эпох.

Один раз, к примеру, некий голос, то поднимаясь до разъяренного крика, то излагая угрюмо, но покорно, отвечал по-французски на вопросы касательно учиненной Эдуардом Черным Принцем¹ резни в Лиможе в 1370 году, как будто у оной имелась некая неизвестная до того момента подоплека, известная говорившему. Карвен спросил пленника — если то и впрямь был пленник, — был ли отдан приказ убивать из-за Знака Черной Козлицы, что проявился на алтаре в древнеримском склепе под собором, или всему виной Темный Человек из высшего венского ковена, изрекший Троеслобие. Так и не добившись ответа, Карвен, судя по всему, применил высшую меру — раздался ужасный вопль, за которым последовало краткое молчание, тихий стон и, наконец, звук падения чего-то тяжелого.

Ни один из подобных допросов приятелям не удалось подсмотреть, потому что окна всегда оставались плотно задрапированными. Но однажды, во время разговора на незнакомом языке, на занавеске

---

¹ Эдуард Вудсток, известный также как Черный Принц, (1330–1376) — старший сын короля Англии Эдуарда III, носитель титула «Принц Аквитанский», военачальник Столетней войны.

появилась тень, чрезвычайно напугавшая Уидена. Она напомнила ему одну из кукол, увиденных в 1764 году в Хакерс-холле, когда некий человек из Германтауна, штат Пенсильвания, устроил искусное механическое представление, заявленное как «...виды знаменитого города Иерусалима, храма и престола Соломоновых, прославленных твердынь и гор, а также Страстей Нашего Спасителя, которые претерпел Он от Сада Гефсиманского до Распятия на горе Голгофе; искуснейший образчик Механических Фигур, достойный Внимания Любопытствующих». Именно тогда престарелая индейская чета, разбуженная испуганным соглядатаем, с шумом отпрыгнувшим от окна, откуда доносились звуки странной речи, спустила на Уидена собак. После того случая в пределах дома не слышались более разговоры, из чего Уиден и Смит сделали вывод, что Карвен переместил свои опыты в подземелья.

А то, что подземелья, или катакомбы своего рода, взаправду существуют, казалось совершенно ясным из многих наблюдений. Слабые крики и стоны безошибочно доносились время от времени будто бы прямо из-под земли в местах, далеких от каких-либо строений. Скрытая в кустах вдоль берега реки, там, где возвышенность круто спускалась к долам Потаксета, обнаружилась арочная дубовая дверь в раме из тяжелой каменной кладки — ведущая, очевидно, в пещеры внутри холма. Когда и как могли быть построены эти коммуникации, Уиден не мог сказать — но он не раз отмечал, как легко могли добраться до этого места группы рабочих под покровом ночи со стороны реки. Своих безродных моряков Карвен, по всему судя, использовал в самых разных целях! Во время проливных весенних дождей 1769 года Уиден и Смит зорко следили за крутым берегом реки, чтобы увидеть, не выплывут ли наружу какие-нибудь подземные тайны, и были вознаграждены зрелищем изобилия человеческих и животных костей в тех местах, где в берегах были прорыты глубокие овраги. Естественно, можно было бы найти много объяснений таким вещам на задворках животноводческой фермы и в местности, где старые индейские захоронения были обычным делом, но Уиден и Смит сделали свои собственные выводы.

В январе 1770 года, когда друзья-соглядатаи все еще безуспешно спорили о том, что думать или делать во всей этой запутанной истории, произошел инцидент с «Форталезой». Раздраченный тем, что прошлым летом в Ньюпорте был потоплен доходный шлюп «Либерти», таможенный флот под командованием адмирала Уоллеса стал проявлять повышенную бдительность по отношению к чужим судам, и на этот раз

Литературно-художественное издание

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ

ПРИЗРАК В ЛУННОМ СВЕТЕ

Избранное, редкое и неизданное

Ответственный редактор *А. Васько*

Технический редактор *Г. Логвинова*

Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Тираж 3000 экз.

Импортер на территории ЕАЭС: ООО «Феникс».

Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,

г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150

Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в Турции. Дата изготовления: 05.2022. Срок годности не ограничен.

Изготовитель: «Билнет Матбаацилик Ве Яиницилик А.С.»

(BILNET MATBAACILIK VE YAYINCILIK A.Ş)

Адрес: Дудулла Орг. Сан. Болг. 1 кад: 16,

Есенкент Умранье, Стамбул, Турция, 34776

(Adres: Dudullu Org. San. Bölğ. 1 cad: 16,

Esenkent Ümraniye, Стамбул, Турция, 34776)

по заказу и под контролем ООО «Феникс»